

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ЛАТНИКИ ПРИКУБЛНЬЯ

© М.В. ГОРЕЛИК

Задача настоящей работы - показать истинное значение замечательных находок, сделанных в Прикубанье в 80-х гг. 20 в., но также и уровень научной обработки, отягощающие научные традиции, ставшие ныне тормозом и приводящие к серьезным ошибкам, что отразилось в публикациях этих великолепных памятников.

Наиболее пристально погребальными воинскими памятниками эпохи «поздних кочевников» занимается краснодарский исследователь Ю.В. Зеленский. В его публикациях, пожалуй, наиболее полно отразились все проблемы, связанные с историей советской науки о «поздних кочевниках» 2 половины 20 в.

В 1997 г. Ю.В. Зеленский опубликовал раскопанный Н.Ф. Шевченко в 1986 г. комплекс из кургана 4 у хутора Пролетарский Кореновского р-на Краснодарского края (Рис. 1 А) (Зеленский, 1997). Пожалуй, это наиболее полная, по сравнению с остальными, публикация комплекса. Анализ материала – стандартный. То есть, каждая его составляющая сравнивается с таковыми же в опубликованных материалах, и датируется на основании обращения к таким авторитетам (по мере убывания обращений), как А.Н. Кирпичников (вооружение и конское снаряжение), С.А. Плетнева (древности поздних кочевников), Г.А. Федоров-Давыдов (та же тематика). Спорадически для сравнения привлекаются работы Г.Ф. Чеботаренко (Старый Орхей – золотоордынский город в республике Молдова), Ю.С. Худякова (оружие кочевников Центральной Азии), В.А. Иванова и В.А. Кригера (поздние кочевники южного Приуралья). Подобная работа дала следующие результаты: шлем – по аналогиям из кургана у с. Пешки в Порожье, из Чингульского кургана в Запорожье по датировке А.Н.Кирпичникова – начало XIII в.; сабля – по С.А. Плетневой и В.И. Иванову с В.А. Кригером – X - начало XIII вв.; стрелы – по Г.Ф. Чеботаренко, Ю.С. Худякову и материалам Белореченских куганов в Адыгее – вторая половина XIII – XIV вв. Казалось бы, вывод о дате погребения однозначен – она определяется самыми поздними вещами. Но нет, для Ю.В. Зеленского «датировка погребения вызывает некоторые затруднения, так

как ряд предметов датируется очень широко – XIII - XIV вв. Скорее всего, погребение следует датировать 30-ми гг. XIII в., временем монгольского проникновения в восточноевропейские степи» (Зеленский, 1997: 91). Такой вывод поистине странен даже чисто формально. Но обратимся к вещам из кургана у хутора Пролетарского. Нисколько не оспаривая надежную датировку наконечников стрел, рассмотрим другие предметы.

Шлем из Пролетарского никоим образом нельзя относить типологически к шлемам из кургана 323 у с. Пешки и из Чингульского кургана. Тем более, что оба сравниваемых шлема (Плетнева, 1973: Таб. 47,2; Отрощенко, Рассасакии, 1986: Рис.7, 2) роднят только форма купола, а общий признак у всех трех сравниваемых шлемов – колечко на навершии. Но чингульский шлем цельнокованный и имеет кованую, приклепанную к краю купола защиту лица в виде бровей и носа, тогда как пешкинский шлем склепан из четырех секторов, соединенных навершием с «отростками», а защита верхней части лица представлена козырьком. При этом как козырек у пешкинского шлема, так и колечки на навершиях всех трех шлемов – типичнейшие признаки монгольских шлемов (Горелик, 2002: 23). Так что погребение содержит большинство надежно и сравнительно узко датированных предметов – шлем, наконечники стрел, костяные гравированные накладки колчана (хотя и первых двух категорий более чем достаточно). Дата – первая половина XIII - XIV вв. Таким образом, перед нами погребение золотоордынского воина (Рис.1Б). Что же касается его этнической принадлежности, то здесь – проблема, о которой не подозревает абсолютное большинство археологов. Ю.В.Зеленский, как и его коллеги, называет покойного то половцем, то кипчаком, налагая, что это синонимы одного и того же народа. Однако кипчаки и половцы (сары, куны, куманы) – это хотя и близкие, но разные этносы. Причем кипчаки, населявшие степи к востоку от Валги, приводились в восточноевропейские степи монгольскими владыками, тогда как большинство половцев было поначалу врагами чингизидов, и, за отдельными исклю-

чениями, выдавливалось монголами на запад или переселялось в Монголию.

В 2002 г. Ю.В. Зеленский вместе с И.Н. Анфимовым опубликовал раскопанное в 1988 г. И.Н. Анфимовым погребение воина у хутора Малаи Калининского р-на Краснодарского края (Анфимов, Зеленский, 2002). К сожалению, уровень публикации материала здесь резко снижен (Рис.2А): не представлены изображения сабли, кинжала, наконечников стрел, колец кольчуги. Хорошо еще, что в описании предметов отмечены такие важнейшие и датирующие признаки, как опущенные вниз концы сабельного перекрестия, то, что нижняя часть клинка кинжала имеет два лезвия (кстати, именно поэтому данное оружие можно назвать кинжалом, а не ножом). Имеется в тексте и описание наконечников стрел. Сравнительный анализ дал авторам следующие результаты. Шлем был сравнен со шлемами из воинских погребений у сел Ковали и Липовец (Пятышева, 1964: Таб. III, VI) в Поросье, имеющий схожую форму купола, с тульей в виде высокого цилиндра и куполом конически – пирамидальной формы. Датирован шлем из хутора Малаи опять-таки по А.Н. Кирпичникову – первая половина XIII в. Сабля не проанализирована вообще. Наконечники стрел – по аналогии с образцами из Центральной Азии и Восточной Европы авторы датировали XIII - XIV вв. А все погребение датируется ими ... первой половиной XIII в. Но если обратиться к предметам из погребения у хутора Малаи, то мы ясно увидим иную дату. Шлем из погребения имеет сразу два монгольских признака – кольцо на навершии (для привязывания монгольского украшения – ленты, двумя концами свисавшей с верхушки шлема) и козырек (почему-то названный авторами защитным, как будто козырьки шлемов имеют какую-то иную функцию), что заставляет датировать его второй половиной XIII-XIV вв. Совершенно ту же дату дает сабельное перекрестие – его опущенные книзу концы.

Еще один предмет погребального инвентаря – бронзовая коробочка, являющаяся миниатюрной моделью шкатулки или сундука; подобные миниатюрные металлические модели свойственны именно и только погребальным памятникам монгольской культуры. Таким образом, практически все предметы погребения у хутора Малаи дают четкую дату – вторая половина XIII-XIV вв., а покойный был золотоордынским тяжелым конником (Рис.2Б).

Наконец, в конце 2003 г. вышла статья В.Г. Блохина, А.И. Дьяченко и А.С. Скрипкина с публикациями воинских погребений, раскопанных в начале 80-х гг. XX в. в Краснодарском крае (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003). Все они содержали как наступательное, так и оборонительное вооружение и конское снаряжение, что дало авторам повод назвать статью «Средневековые рыцари Кубани».

Наиболее богатыми и яркими оказались воинские погребения из могильника у станицы Дмитриевская Кавказского р-на, раскопанные в 1982 г., где в кургане 4 оказалось сразу два погребения тяжеловооруженных воинов.

В погребении 1 кургана 4 раскопано погребение коня и воина (Рис.3А). Воин был облачен в байдану – кольчугу из крупных плоских колец. На голове воина был шлем с бармицей, у левой руки – сабля с коротким перекрестием с шариками на концах, в ножнах с железным наконечником и обоймицами. Колчан содержал железные наконечники стрел и две железные же петли для крепления колчана к портупее. При коне найдены удила, два непарных стремени и костяные пластины с орнаментом из гравированных кружков. Авторы публикации полагают их обивками седла, но они совершенно не похожи на известные костяные обивки седел, зато идентичны пластинам из кургана 1 комплекса Криуша-84 (см. ниже), которые несомненно являются обкладками колчана. Видимо, колчан был передвинут грызунами от правой руки погребенного воина к коню.

Сравнительный анализ инвентаря привел авторов публикации к следующим заключениям. Шлем авторы – по А.Н. Кирпичникову – датируют первой половиной XIII в. Сабля – опять-таки по А.Н. Кирпичникову – датируется ими IX - XII вв. Здесь очевидная путаница, так как А.Н. Кирпичников знает только раннесредневековые сабли с короткими перекрестиями с шариками на концах – хазарские, венгерские, аланские, действительно так датируемые. Но подобные перекрестия делались и в XII - XIV вв., что было ясно показано в статье А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной (Евглевский, Потемкина, 2002: 172-176). Авторы публикации привлекли и эти датировки. Несомненно, дату погребения уточняет шлем. Он не только имеет характерную для монгольского периода цилиндроконическую форму, подобно шлему из хутора Малаи и др., но и верхушку с подвершьем в виде тороида, служащего основанием для шпилья, от которого осталась лишь малая часть. А шпиль – один

из характернейших признаков монгольских шлемов. Так что время жизни похороненного здесь тяжелого конника (Рис.3Б) – также золотоордынская эпоха, вторая половина XIII-XIV вв.

Анализ вещей из погребения 2 того же 4 кургана (Рис.4А) привел авторов публикации к таким выводам. Шлем они датировали – по А.Н.Кирпичникову – с конца XII в. до конца XIV в. Костяная петля от саадака – по С.А.Плетневой – XII в., по А.Ф.Медведеву – XII -XIV вв. Наконечники стрел сужают дату до второй половины XIII-XIV вв. На самом деле ту же дату дает и шлем, так он имеет характерный монгольский признак -петлю с кольцом на макушке. Следовательно, и этот покойник был представителем золотоордынской тяжелой конницы (Рис.4Б).

Погребение 2 в кургане 1 Дмитриевского могильника дало один из самых богатых наборов вооружения (Рис.5А), особенно защитного, за всю историю раскопок в южнорусских степях. Исключительная важность данного комплекса еще и в сложности как самих вещей, так и в их сочетании. Важно и то, что все нательные предметы защитного вооружения были надеты на покойника и были обнаружены на своих местах.

Анализ предметов привел авторов публикации к следующему. Шлем они – разумеется, по А.Н.Кирпичникову – датировали первой половиной XIII в. Совершенно уникальным оказался надетый поверх кольчуги «бюстгальтер» из трех (два на груди, один между лопаток) крупных, чуть выпуклых, с бортиком, дисков из золоченой бронзы. Эта деталь убора мужа-воина присутствует на подавляющем большинстве половецких каменных изваяний, но в первый раз встречена в погребении *in situ*. Соответственно, авторы датировали кольчугу с «бюстгальтером» по Плетневской датировке изваяний с изображением этой детали – XI - началом XIII в. Но Е.И. Нарожный приводит подобные диски из погребений XIV в. в горах Чечено-Ингушетии. По поводу створчатых наручей авторы приводят даты по А.Н. Кирпичникову – первая половина XIII в., по М.В. Горелику, П.П. Толочко, Е.И. Нарожному и Д.Ю. Чаккиеву – вторая половина XIII-XIV вв., а по поводу уникальных поножей – датировку и локализацию А.Н. Кирпичникова – первая половина XIII в., и М.В. Горелика – вторая половина XIII - XIV вв. Кресала датированы авторами по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной XIII-XIV вв. Распрямленная гривна – по мнению большин-

ства авторов – датируется XII - первой третью XIV вв. Относительно копья авторы привели даты по А.Н.Кирпичникову – XII-XIII вв., по С.А.Плетневой – XI - первая треть XIII вв., по Л.Ф.Недашковскому – XIII -XIV вв. Все погребение авторы странным образом датировали XII-XIV вв.

Попробуем уточнить датировку этого уникального погребения. Шлем имеет не только характерный для золотоордынского периода силуэт – конус на цилиндре, но и такие специфически монгольские признаки, как петля на макушке с кольцом для крепления ленты, и даже – это усиливает уникальность комплекса – сама лента. В погребении сохранился один ее конец, пропитанный окислами железа (эта мысль принадлежит А.М. Горелику). Авторами публикации он был принят за железную полоску, соединяющую кольцо на макушке с точкой перегиба тульи. Если согласиться с их мнением, совершенно непонятна функция такой полоски. Кстати, сама эта деталь была утрачена и на экспонируемом шлеме отсутствует. О монгольско-золотоордынской традиции свидетельствуют и узкие полоски железа, наклепанные (в количестве двух экземпляров) радиально на конический купол шлема.

Авторы публикации совершенно не проанализировали железный умбон щита. Они не распознали в качестве такового, окрестив железным диском диаметром 9,7 см. К сожалению, рисунок в публикации не дает представления об истинном облике предмета, так как авторы, несомненно, не держали предмет в руках и не разглядели (или не поняли, что это такое) в центре диска остатков двух железных полос, крестообразно наложенных поверх диска и соединенных с ним заклепкой, проходящей сквозь центр скрещенных полос и диска. Это один из самых ранних образцов умбонов, типичных именно для Прикубанья золотоордынского периода. Они и их происхождение подробно описаны в нашей статье о монголо-татарских щитах (Горелик, 2004), а более суммарно – в нашей же статье «Адыги в южном Приднестровье» (Горелик, 2004). Разумеется, нельзя требовать от авторов знания чужих работ, не опубликованных к моменту сдачи в печать собственной работы. Но данные умбоны освещены в нашей книге 2002 г. (Горелик, 2002: 23-24, рис.7). Кроме того, буквально через 14 страниц в том же сборнике, что включает в себя «Рыцарей Кубани», опубликована статья Р.Б. Схатума, специально посвященная умбонам подобно-

го типа (Схатум, 2003), которые он полагает сугубо черкесскими. Дата этих умбонов очень четкая (и в ее определении солидарны все – до авторов «Рыцарей Кубани» – их публикаторы: вторая половина XIII - XIV вв. Я полагаю, что данный тип умбона был заимствован золотоордынцами Северо-восточного Причерноморья у итальянских колонистов во второй половине XIII в. и распространился по западным улусам (державы потомков Джучи и Хулагу) империи Чингизидов.

Что касается копья, то распространение таких копий в золотоордынское время на территории этого государства не ограничивается одним только Укеком (Недашковский, 2000: Рис.12, 1). Совершенно уникальны поножи из рассматриваемого погребения. То, что их наголенник не створчатый, говорит о том, что он достаточно ранний, до середины XIV в. Но то, что он имеет пластинчато-кольчатую структуру, то есть наголенник соединен с кованым полудисковидным выпуклым наголенником несколькими рядами кольчужного плетения, свидетельствует о том, что перед нами один из первых обрахцов кольчато-пластинчатого доспеха, все ранние образцы которого связаны с территорией Золотой Орды (Горелик, 2002: 74 верх., 4, 5).

Уникальная находка *in situ* дисковидных блях классического половецкого "бюстгальтера" ценна не только как археологическое подтверждение реальности изобразительных свидетельств о данной детали половецкого воинского снаряжения, но и как надежный показатель половецкой этнической принадлежности погребенного. Правда, многих исследователей этот факт может натолкнуть на мысль о домонгольской дате погребения. Но недавно Е.И.Нарожный опубликовал значительное число таких деталей половецкого воинского снаряжения, раскопанных в погребениях нагорной части Чечено-Ингушетии, сделанных по местному обряду (то есть в каменных склепах) в золотоордынское время (Нарожный, 2003: 247, Рис. 1-3). Я полагаю, что это погребения знатных половцев, ушедших от монголов в горы. Местный обряд погребения объясняется как тесным общением с местным населением, так и невозможностью устройства половецкого погребения -глубокой могильной ямы под курганом на безземельной каменистой территории. Можно думать, что именно эти половцы и положили начало тюркоязычным горцам Кавказа – современным карачаевцам и балкарцам.

Итак, погребенный был, скорее всего, знатным половцем, похороненным на рубеже XIII-XIV вв. или в первые десятилетия XIV в., и сочетавшим в своем снаряжении как традиционно (и подчеркнуто) половецкие элементы – кольчужный «бюстгальтер» и распрямленную витую гривну, так и принесенные монголами створчатые наручи и шлем с колечком на макушке, а также и золотоордынские инновации – пластинчато-кольчатый доспех, представленный поножами, и щит с «крестчатым» умбоном, возникшим под влиянием оружия итальянских колонистов (Рис.5Б).

В 1984 г. был раскопан курган №2 у поселка Южный Новопокровского р-на. В погребении 1 этого кургана (Рис.6А) обнаружен скелет воина, облаченный в кольчужный доспех, в сопровождении сабли с асимметричным перекрестием, боевого ножа, со шпорами, распрямленной гривной и бронзовым котлом. При могиле были захоронены 2 коня с удилами и непарными стременами.

Авторы публикации проанализировали саблю и датировали ее – по А.Н.Кирпичникову – X-XI вв., а по А.В. Евглевскому и Т.М. Потемкиной – XII-XIV вв. Шпоры датированы ими по А.Н. Кирпичникову XII - первая половина XIV вв., котел – по М.Л.Швецову – XII - первая половина XIII вв. Общая дата погребения получилась XII - первая половина XIV в.

Я полагаю, что ряд признаков предметов из погребения 1 кургана №2 у поселка Южный говорит о поздней из указанного временного промежутка дате. Так, сабли с асимметричными перекрестиями характерны именно для «монгольского» периода. Кольчужная защита головы появляется на Востоке с Запада – во время монгольского нашествия, то есть во второй трети XIII в. Шпора из рассматриваемого погребения совершенно аналогична из погребения у станицы Праздничной в Прикубанье, которое датируется XIV в. Да и в Европе подобные шпоры изображены на памятниках изобразительного искусства в том числе и второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Что же касается казанов из меди и бронзы, то они не менее часто встречаются в погребениях золотоордынского периода. Следовательно, в данном погребении был похоронен золотоордынский тяжелый конник (Рис.6Б), в чьем снаряжении отразилось влияние Переднего Востока с его достаточно органичным смешением в оружейном комплексе элементов снаряжения крестоносных рыцарей и мусульманских газиз.

Наконец, в том же 1984 г. у реки Кривуша в Тихорецком р-не в кургане №1 было раскопано погребение 1 (Рис.7А) с останками воина в защитном вооружении, с саблей, саадаком и боевым ножом.

Вот результаты анализа материала погребения, полученные авторами публикации. Шлем – по А.Н.Кирпичникову – XI-XIII вв. Сабля датирована по А.Н. Кирпичникову XI-XIII вв., по А.В. Евлевскому и Т.М. Потемкиной – XII-XIV вв. Датировку авторы уточняют типичным золотоордынским кувшином. На самом же деле точно тем же самым, золотоордынским периодом датируются и шлем с остатками характерного для монгольских шлемов шпиля, и сабля с характерным для сабель монгольского круга асимметричным перекрестием.

Авторы не опознали в нескольких прямоугольных железных пластинках кусок ламеллярного доспеха. Вероятно, он имел покрое «корсет-кираса», поскольку носился поверх кольчуги и включал в себя минимальное число пластинок. Подобная защита корпуса характерна также для «монгольского» времени, а сам погребенный оказывается золотоордынским тяжелым конником (Рис.7Б).

Теперь посмотрим, каков итоговый вывод авторов «Рыцарей Кубани»: «по совокупному характеру вещевого комплекса» памятники относятся ими «к кругу воинских погребений Прикубанья XII-XIV вв.». «В настоящее время выделение каких-то более узких хронологических групп в рамках XII-XIII вв. вызывает определенные трудности, связанные ... с недостаточной разработанностью типологии, анализа и сопоставления погребального инвентаря», «...в золотоордынское время ... аристократия и воинское сословие (половцев – М.Г.) не подверглись тотальному уничтожению» (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003: 198).

Если последний вывод совершенно верен (причем здесь авторы не побоялись

выступить против прочно укоренившегося в отечественной науке противоположного мнения), то остальные отнюдь не точны. Как мы увидели, значительно большее число артефактов, а именно *все* шлемы, большая часть сабель, «крестчатый» умбон щита, створчатые наручи и пластинчато-кольчатые поножи – являются точными индикаторами имперской чингизидской культуры второй половины XIII - XIV вв.

Воинские погребальные комплексы Прикубанья, рассмотренные здесь, имеют исключительно важное значение: здесь практически все предметы взаимно датируют друг друга. А точно датированные предметы золотоордынского периода позволяют определить этим временем (иные предметы – также и этим временем) периоды бытования предметов – и целых их категорий, чья дата представляется многим исследователям гораздо более широкой и ранней.

Еще один вывод: старые, полувековой давности выводы наших маститых исследователей военных и степных средневековых древностей висят тяжелыми гириями, кирпичами на сознании многих археологов, не позволяя им делать верные выводы. И сама типология, и датировка значительного числа артефактов и целых их категорий давно устарели и не соответствуют современному уровню знаний, когда и количество материала – находок сабель, шлемов и т.д., ставшего доступным иконографических и письменных источников, а также публикаций, адекватно осветивших данный материал количественно и качественно увеличился за последние десятилетия, во много раз превосходя источниковую и исследовательскую базу тех лет; и материалы свидетельствуют, что абсолютное большинство богатых воинских погребений – в том числе и по сопровождающим их нумизматическим материалам – относятся золотоордынскому периоду.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. 8. Армавир; Москва: ИА РАН, 2002. С.68-71.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Выпуск 3. Краснодар: Кубанский ГУ, 2003. С.184-208.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Техника-молодежи, 2002. 84 с.

Горелик М.В. Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань: Мастер-Лайн, 2004. С. 182-195.

Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII в. – первая половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир: , 2004. С.293-300.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья (СЕЭС). Том 1. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2000. С.117-180.

Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко-археологический сборник. Вып. 3. Армавир; Москва: ИА РАН, 1997. С.89-91.

Зеленский Ю.В. Шлемы из половецких погребений Прикубанья // Древности Прикубанья. Вып.9. Краснодар: Кубанский ГУ, 1998. С.23-25.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: Наука, 1988. 91 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX-XIII вв.// САИ Е1-36. Л.: Наука, 1966. 143 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. // САИ Е1-36. Л., 1971. 126 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII-XIV вв. // САИ Е1-36. М., 1966. 184 с.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII - XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 245-274.

Недашковский А.Ф. Средневековый город Укек и его округа. М.: Наука, 2000. 224 с.

Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археологія, 1986. №53. С.14-36.

Плетнева С.А. Древности Черных клобуков. // САИ Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ Е4-2. Наука, 1974. 200 с.

Пятышева Н.В. Железная маска из Херсонеса. М.: ГИМ, 1964. 40 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. 304 с.

Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен северо-западного Кавказа в золотоордынский период // МИАК. Вып. 3. Краснодар: КубГУ, 2003. С.224-227.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Чеботаренко Г.Ф. К вопросу о классификации средневековых монгольских стрел // Матеріалі з археології Швічного Причорномор'я. Вип.3. Одесса, 1960. С.141-150.

Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников. // СА. 1980. №2. С.192-202.

THE ARMOURY WARRIORS OF THE GOLDEN HORDE IN THE KUBAN REGION

© M.V. GORELIK

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

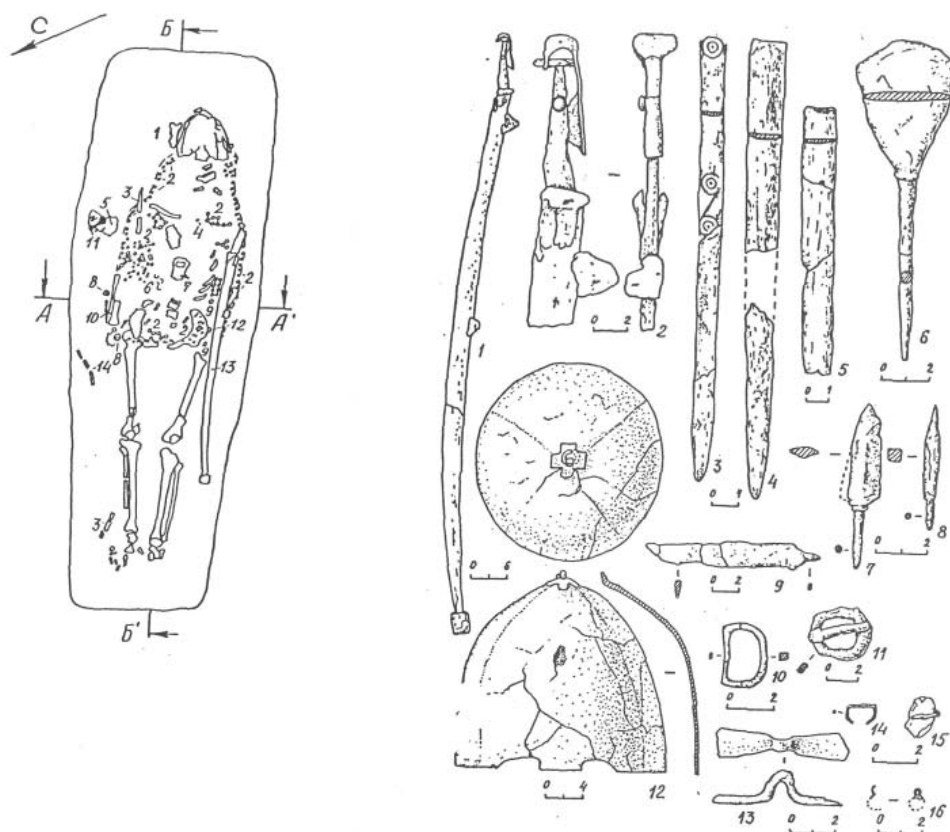

Рис. 1А. Погребение у хутора Пролетарский (по Зеленскому).

1 – шлем, 2 – фрагменты кольчуги, 3 – костяная обкладка лука, 4 – бронзовая подвеска, 5 – кожаный тлен колчана; 6 – костяные изделия, 7 – железная скоба; 8 – железная пряжка; 9 – бронзовые скобы; 10 – железный нож; 11 – железные наконечники стрел; 12 – фрагменты костяного изделия с бронзовыми скобами; 13 – железная сабля; 14 – костяная обкладка колчана

Рис. 1Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения у хутора Пролетарский.

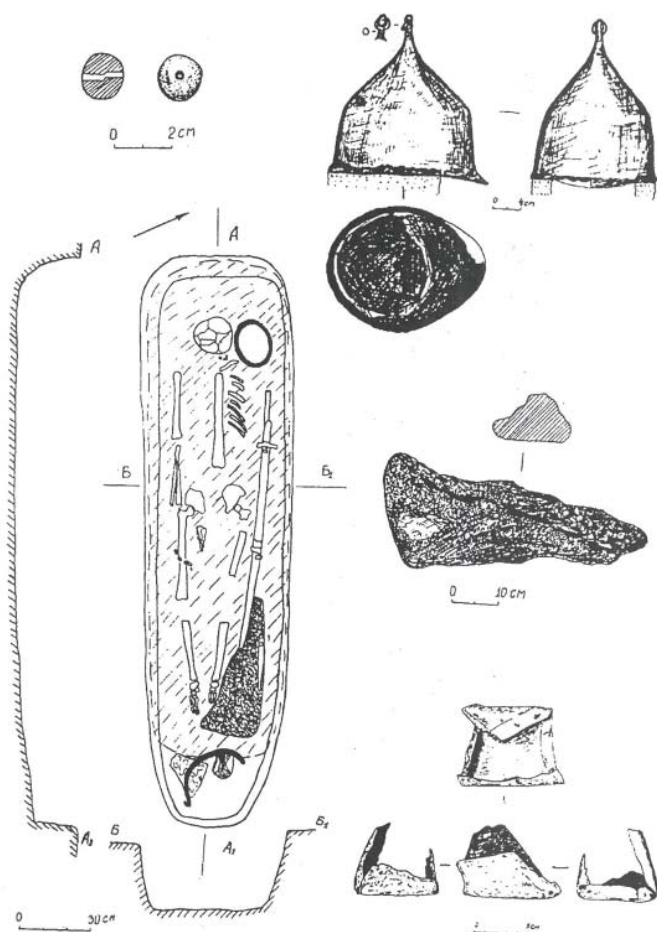

Рис. 2А. Погребение 1 из кургана №3 у хугора Малаи (по Анфимову и Зеленскому).

Рис. 2Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения 1 кургана 3 у хугора Малаи.

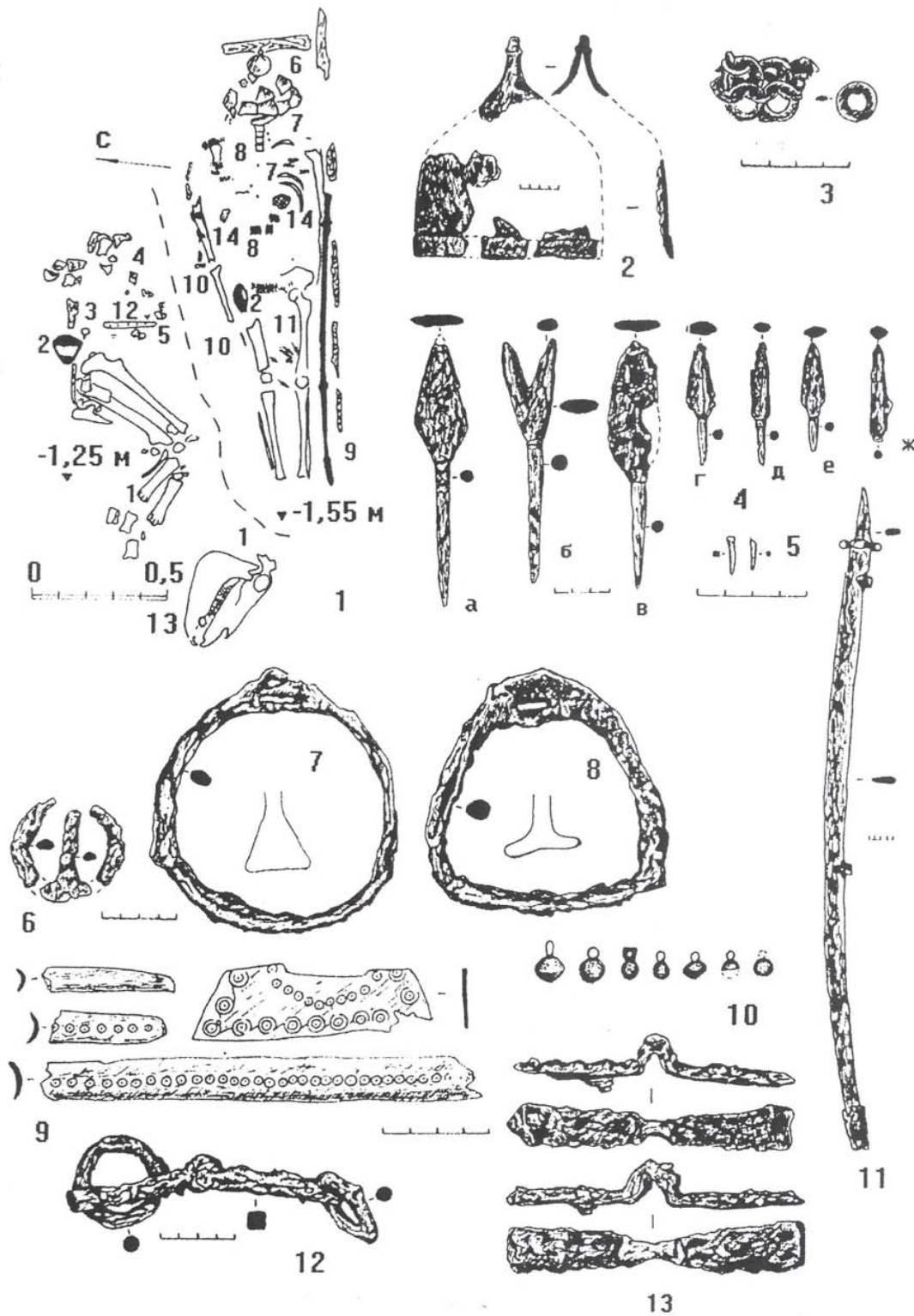

Рис. 3А. Погребение 1 из кургана №4 курганной группы Дмитриевская -1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 3Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения! кургана №4, Дмитриевская-1-82.

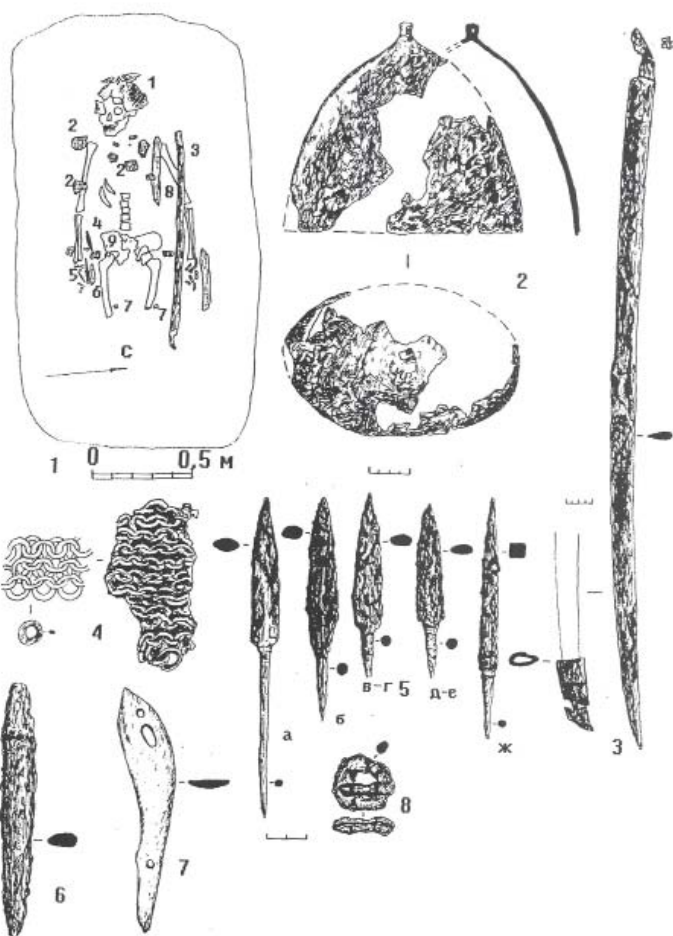

Рис. 4А. Погребение 2 из кургана №4 курганной группы Дмитриевская -1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 4Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения 2 кургана №4, Дмитриевская -1-82.

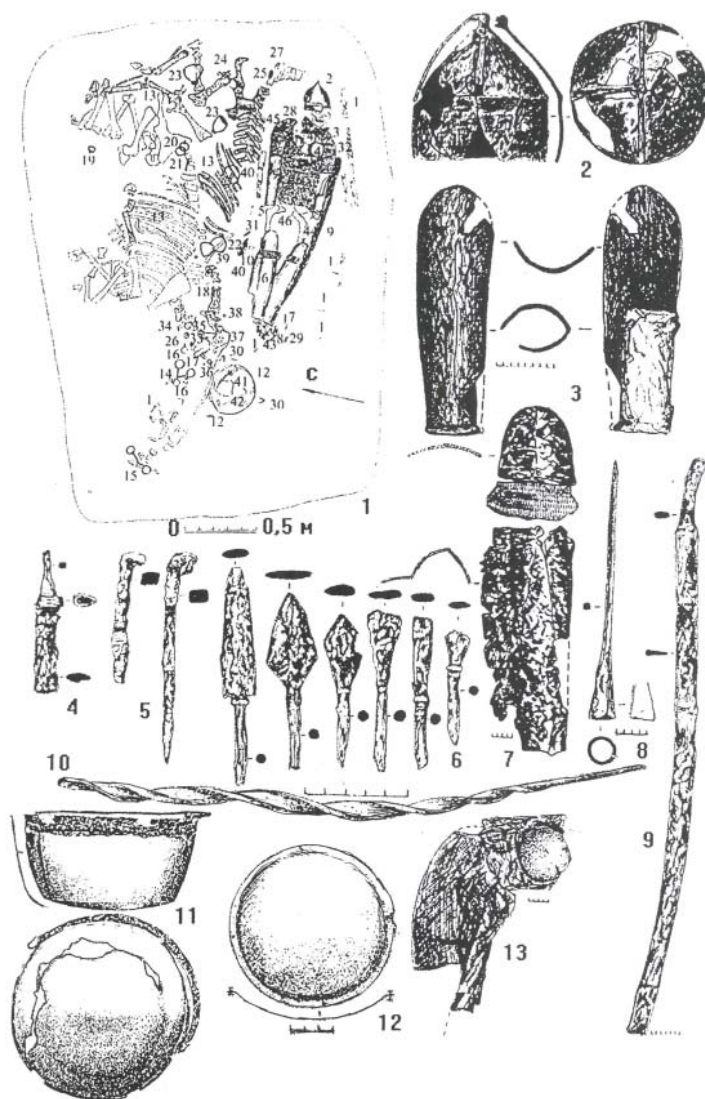

Рис. 5А. Погребение 2 из кургана №1 курганной группы Дмитриевская-1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

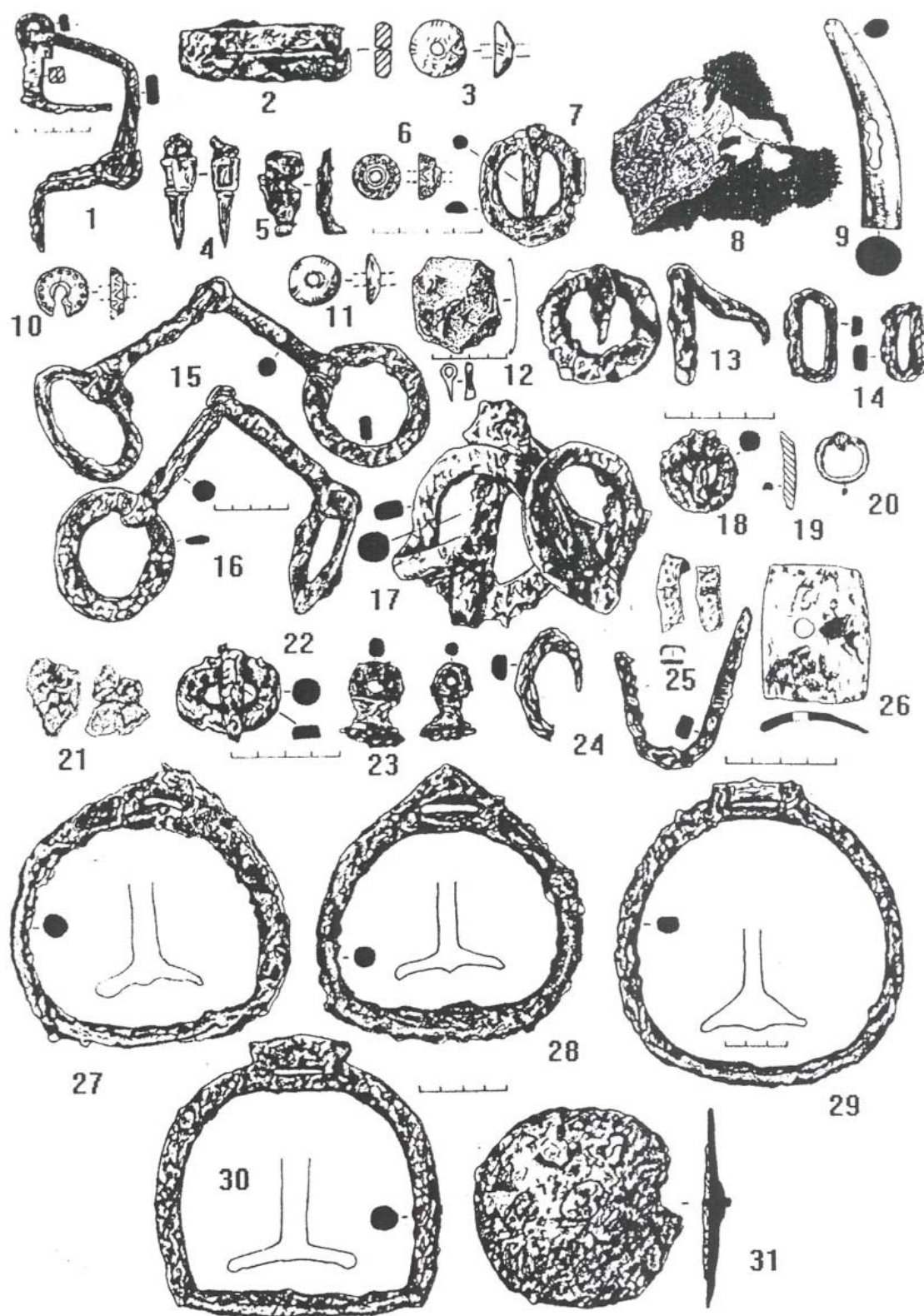

Рис. 5А. (продолжение) Погребение 2 из кургана №1 курганной группы Дмитриевская-1-82 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 5Б. Золотоордынский воин-половец, реконструкция М.В.Горелика по материалам 2 кургана №1, Дмитриевская-1-82.

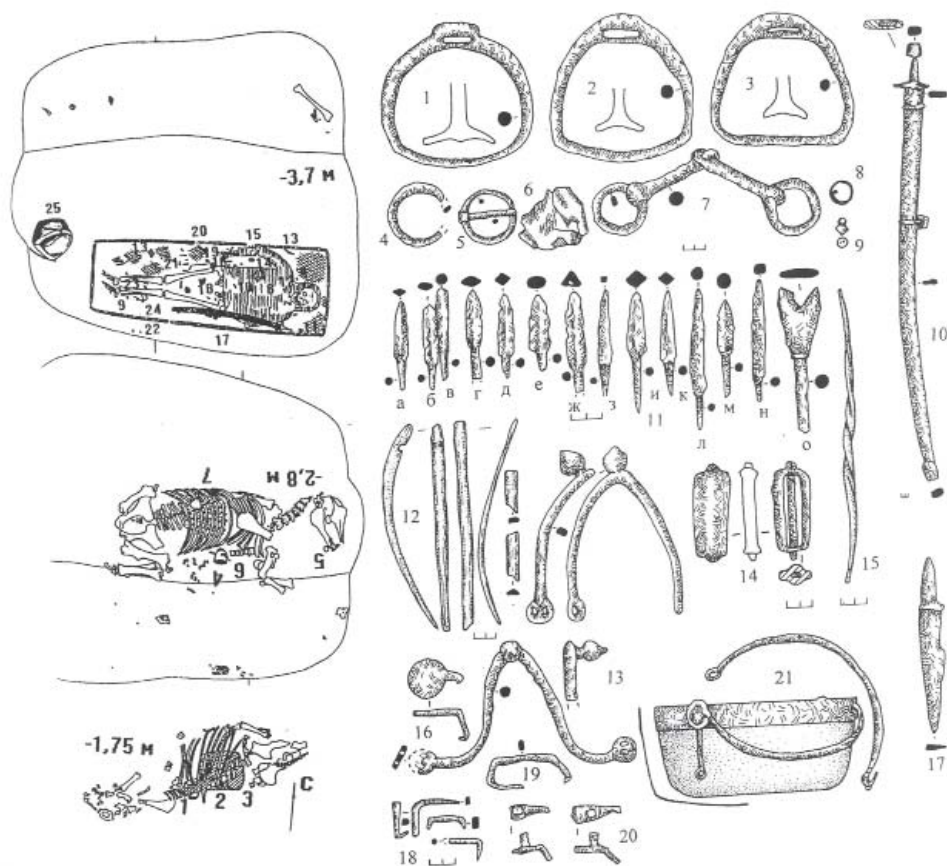

Рис. 6А. Погребение 1 из кургана №2 курганной группы Южный-84 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 6Б. Золотоордынский воин-половец, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения I кургана №2, Южный-84.

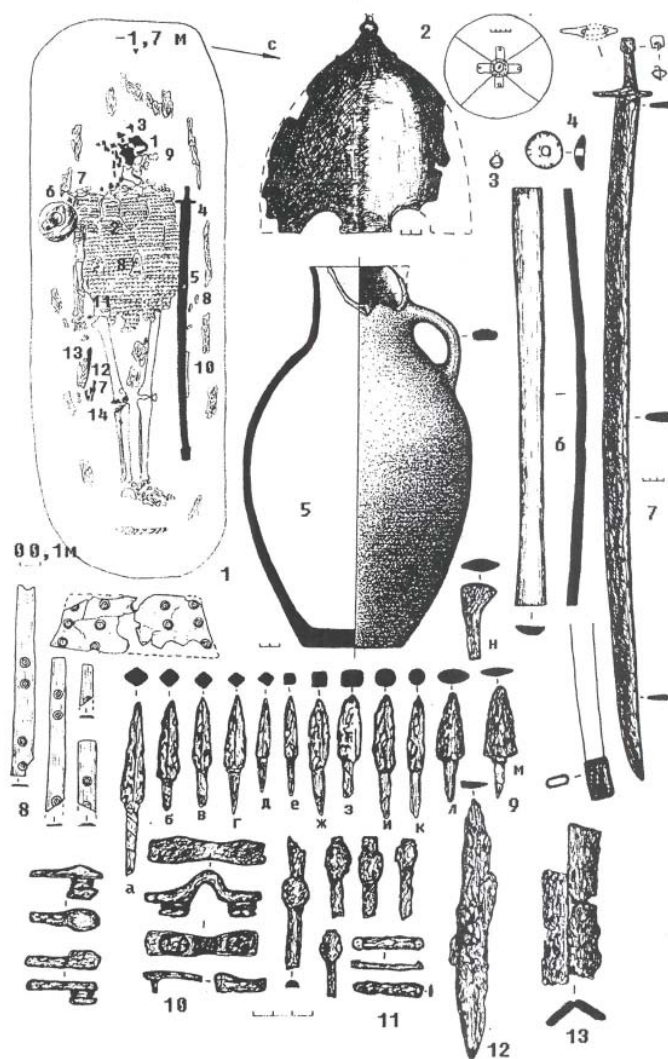

Рис. 7А. Погребение 1 из кургана №1 курганной группы Кривуша-84 (по Блохину, Дьяченко, Скрипкину).

Рис. 7Б. Золотоордынский воин, реконструкция М.В.Горелика по материалам погребения 1 кургана №1, Кривуша-84.